

Г. П. ФЕДОТОВ

Любовь и социология

<Фрагмент>

<...> Начало религиозного общения, которое связывает личную любовь с жизнью вселенского Тела, поистине центрально в христианстве. Можно сказать, что именно оно составляет то принципиально новое, что принесло христианство в еврейский и языческий мир, что отличает его от всех религий человечества. Общение людей — во Христе — как мистическая тайна, как зерно Царства Божия, это и есть новое Откровение христианства.

Если общение направлено в мир человеческий и представляет раскрытие второй заповеди, то оно также есть коррелятив и первой: оно окрашивает и христианское Богообщение. В самом деле, из него вытекает значение соборной, церковной молитвы, т. е. литургической жизни. Из него вытекает значение литургии в узком смысле, как Евхаристической службы. Из него вытекает значение Св. Евхаристии, как таинства общения по преимуществу.

Евхаристия, таинство из таинств, живое сердце Церкви, вечно посылающее Божественную кровь во все Ее члены, недаром носит имя причащения (т. е. общения: *communio*). В нем совершается наше общение и со Христом, и со всей Его Церковью. Причастные Божественному Телу и Крови, мы причастны друг другу, в них общаемся между собой, становимся единым телом: со всеми, кто где-либо и когда-либо приступает с нами к этой чаше. И прежде всего с теми, кто видимо, сейчас с нами приступает. Отсюда потребность продлить в земной жизни, за порогом храма, здесь совершившееся общение: за Евхаристией следует агапа. Так понимала эту связь древняя Церковь, переживавшая таинство общения как мессианский брачный пир. Вечери любви были естественным завершением Евхаристии. Но агапы продолжались и в повседневной жизни — если не в общении имущих, как в Церкви Иерусалимской, то все же в глубоком общении жизни: любви, взаимности, братстве.

Наше время, социальное по преимуществу, недаром томится по св. Чаше и возрождает агапические трапезы. Есть глубокое, хотя и невидимое сродство между социальными движениями XIX века и в нем же возникшим движением Евхаристическим. В теологии католической и особенно англиканской эта связь уже установлена. У нас почин к евхаристическому движению (частому причащению) исходил от от<ца> Иоанна Кронштадтского. Но лишь наше поколение начинает осмысливать его социальное значение. Впрочем, еще Н. Федоров раскрыл убедительно социальный смысл литургии¹. Мы не должны его забывать, не смеем возвращаться к литургическому пиетизму недавнего прошлого. Задача перед нами огромная: не в теории, а в жизни раскрыть социальный смысл литургии, не на словах (уже набивших оскомину), а в подлинной правде «вынести литургию за стены храма».

Это показывает, что социальное христианство имеет не одну этическую сторону; но что этика его может и должна быть ориентирована и литургически, и мистически.

Напоминать ли о том, что она должна утверждаться и догматически? Никто другой, как тот же Н. Федоров, указал на догмат Пресв. Троицы как на онтологическое основание христианской соборности в Церкви и в мире. Тайна единства Божественных Лиц есть образ человека, который не может найти своей полноты в одиночестве. Лишь во множестве лиц, соединенных в Боге и в любви, осуществляется исполнение человеческого лица, созданного по образу Божественного Троиинства.

